Тексты А. Заруцкого были призваны передать чувства персонажей, их скорбь. Они делали то, чего не мог добиться художник живописными средствами. Тексты-реплики как бы развивали одну из сюжетных линий, являлись «лирическим отступлением» от основной и всеобъемлющей идеи конклюзии — противопоставления неба и земли, утверждения бренности всего сущего. Такие же лирические отступления — плачи или молитвы были характерны для популярных литературных жанров XVII — начала XVIII в.[21] Скорбь изображенных на картине людей, их сосредоточенность на мысли о покойной царевне продублированы живописными средствами: изображением глиняного сосуда — символа бренности — на груди у плачущих. Головы гербовых орлов, обращенные к портрету Наталии Алексеевны, символизировали скорбь всей державы.

В искусстве барокко постоянно противопоставлялись низ и верх, земля и небо, свет и тьма, добро и зло, бог и дьявол.[22] Дуальное членение охватывало не только явления духовного мира, но и предметы вещного. Каждая деталь конклюзии имеет свою пару по вертикальной или по горизонтальной оси, включая портреты членов царской семьи, тексты, эмблематические изображения. Соотнесенность частей захватывает и сами тексты, придавая им значение семантических пар. Насколько можно судить по сохранившимся фрагментам, реплика Петра I идентична по смыслу реплике Екатерины; слова, вложенные в уста Алексея Петровича, близки словам малолетних царевичей. Непостоянная судьба, возносящая человека, дающая ему «венец царский», а затем ввергающая его в темные бездны, описывается в виршах от лица самой Наталии Алексеевны — «от нея же, благочестивейшей, в последнее целование» обращенных «ко правоверным всем» (текст под портретом):

«Человече, откуду ли в свет . . . приходиши,
Наталия царевна . . . в гробе меня зриши.
Процветала в царстве славна . . . Востоку,
Здесь лежу . . . ж взял в пещеру глубоку.
Кратка непостоянна . . . слава,
Ибо влагается в гроб царевнина глава.
Рци, человече . . . . . приносит,
Самый венец царский слезами оросит.
Вскоре цвет . . . увянет, недолго светлеет,
Слышишь . . . от . . . гроба положен зчернеет.
Се чти, прочтенна держи, слезами ороси,
О Наталии бога милосердна проси».

Употребление глаголов в повелительном наклонении: «рци, чти, держи, проси» — еще одно свидетельство «театральности» текстов, их обращенности к зрителю-читателю. Особенность

---

[21] Державина О. А. Развитие сюжета в переводной новелле XVII в. и его отражение в миниатюре. — ТОДРЛ. М.; Л., 1960, т. XIV, с. 389.

[22] Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—XVIII вв. М., 1981, с. 92—94.